

15 ФЕВ 1957

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. ВильнюсКомсомольская
ПРАВДА

СЫН РОССИИ

С ТО лет прошло с того промозглого зимнего утра, когда в Берлине, на квартире у музыкального теоретика Зигфрида Дена, в одиночестве, вдаль от родных, друзей, умер гениальный русский композитор Михаил Иванович Глинка. Ему было всего 53 года, но за ним стояли огромные, небывалые творческие свершения, смысл и значение которых оказались решающими для всего дальнейшего — вплоть до наших дней — развития национальной музыки.

Недолгая жизнь Глинки, исполненная порывов, смелых дерзаний,

удивительно напоминала мятущиеся жизни многих русских художников той эпохи. И Пушкину, и Лермонтову, и Гоголю, и А. Иванову, а позднее Мусоргскому и Чайковскому — им всем было тесно, душно в глухой ночи, протершейся над Российской империей. Притеснялись всякая свободная мысль, любой поиск правды... Но как же тогда объяснить столь поразительное цветение русского искусства на протяжении XIX века? Прекрасно сказал об этом Горький: «Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков, красок».

Глинка — один из таких великих и вечных художников. Он воплотил в себе беспредельный творческий гений русского народа. Его музыка впитала все прекрасное, мудрое, чистое, что веками отложилось в национальной песенной культуре. Величайшей заслугой Глинки было осознание им народной песни как единственной основы, от которой музыкальное искусство способно развиваться виширь и вглубь. Он не только осознал, но доказал это на удивление всему миру.

Народную речь и песенность Глинка постиг еще с детства. Он родился (1 июня 1804 года) и рос «во глубине России», в смоленском имении своего отца, в селе Новоспаском. Родная природа, народный быт благотворно влияли на развитие художнической натуры мальчика, получившего к тому же прекрасное домашнее воспитание. Своим острым слухом будущий композитор соединял простые напевы, слышавшиеся в деревне, в полях, в ночном баюканье няньки, с музыкой классиков, которую частенько играл домашний оркестр его родного дяди. Музыкальный талант мальчика был несомненен. Сколько покоряющей простоты и гордости в дошедших до нас словах десятилетнего Глинки: «Музыка — душа моя!».

Позднее (1817 год) Глинка переезжает в Петербург. Здесь юноша сближается со многими передовыми людьми, жадно впитывает демократические идеи, ставшие впоследствии знаменем декабризма.

Как и где учился Глинка музыке? Это вопрос необычайно интересный. У него не было школы, периода длительного ученичества в консерватории (в России тогда вовсе не было музыкальных училищ) или у кого-либо из больших мастеров музыки. Все, чего достиг композитор, — итог углубленного творческого самопознания, сложнейшей внутренней работы. Глинка отчетливо сознавал, что для того, чтобы «стать с веком наравне», чтобы свершить зревшие в нем великие замыслы, одного таланта мало. Он был жаждою всего нового, значительного в искусстве, смело усваивал все передовое, ценное в современной ему западной культуре.

С этим связаны и поездки Глинки за рубеж — в Италию, Германию, Францию и другие страны. Первое путешествие (1830—1834 гг.) почти полностью было посвящено Италии, где блестящая музыкальная культура достигла в ту пору наивысшего расцвета. Здесь композитор учился и совершенствовался. Но ничто не затмило Глинке коренного русского. Напротив, он все сильнее понимал истинное свое призвание. Перед возвращением

на родину Глинка написал из Берлина одному из своих друзей волнующие слова: «Я не останусь здесь долго... Ты сам найдешь во мне перемену: без сомнения, ты удивишься, когда откроешь во мне больше того, о чем мог бы подумать во время моего петербургского житья. Сказать ли тебе все?.. Я полагаю, что я тоже мог бы дать нашему театру произведения больших масштабов... Я хочу, чтобы мои дорогие соотечественники почувствовали бы себя тут, как дома... И кто знает, найдут ли я в себе самую силу и талант, необходимые для выполнения обещания, которое я сам себе дал!..»

Нашлись в Глинке такие силы и талант! Менее двух лет прошло после этого, и в декабре 1836 года состоялась премьера оперы, «Иван Сусанин». Могучее героико-трагическое произведение, всеми корнями уходящее в национальную почву, стало вековой вехой в истории не

только русской, но и всей мировой музыки. Впервые в оперном искусстве на сцене предстала народная жизнь во всей своей красе и многообразии. Народ — вот главный герой оперы Глинки. Широко, величаво звучат хоры, как голос народной массы, отражающей различные стороны жизни, быта, нравов. Удивительно правдиво воссоздал Глинка в музыке образ простого русского крестьянина, жертвующего жизнью во имя родины. От картин народной жизни, от яркой обрисовки вражеского стана, через потрясающую своим драматизмом сцену смерти Сусанина в лесу действие неуклонно восходит к величественному гимну в честь родины, к богатырскому «Славься!».

И во второй своей опере «Руслан и Людмила» (1837—1842 гг.) Глинка продолжал утверждать, как он сам говорил, «задачу серьезную: выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу».

«Руслан» открывает новые грани в творчестве Глинки. Это удивительный сплав различных музыкальных стихий, своего рода отражение в музыке многоликой национальной культуры России. Вся опера — поток мелодий: здесь и былинный напев, широкая эпическая дума, и проникновенная женская лирика (Людмила, Горислава), и страстные мелодии Востока (Ратмир), и песни Севера (Финн), и, наконец, фантастические сцены, в которых композитор так щедр и смел на выдумку.

Но не только к опере обращался Глинка. Он прошелся могучим плугом по целине всей русской музыки — симфонической, камерной, вокальной. По меткому определению Чайковского, в его бессмертной «Камаринской» заключен, «как дуб в желуде», весь русский симфонизм. Его тончайшие лирические романсы («Сомнение», «Не искушай», «Жаворонок», «В крови горит огонь желанья», «Я помню чудное мгновенье») — безграничный мир человеческих чувств, переживаний, страстей, оживший в музыке в новом поэтическом озарении.

Интересно, что, обращаясь в творчестве к различным национальным истокам, Глинка всегда обнаруживал глубокое понимание чужой народности и бережно воссоздавал в музыке самую яркую и точную ее характерность.

Как всякий подлинный гений, Глинка неисчерпаем. Его музыка проходит сквозь годы и поколенья, оставляя вечно юной, вечно прекрасной и новой. Музыканты разных эпох, разных творческих направлений находили и находят у Глинки вечный стимул к смелым исканиям на почве народности. Норвежец Григ и француз Бизе, чех Сметана и финн Сибелиус, поляк Монюшко и испанец Де Фалья — каждый из них по-своему велик, и путь их во многом исходил из принципов, впервые разрешенных нашим великим Глинкой. Что же касается классической русской музыки, то Глинка по праву считается ее родоначальником. Все действительно прекрасное, непреходящее в русском музыкальном искусстве ведет свое начало от бессмертной музыки Глинки.

А. МЕДВЕДЕВ.